
В. Ю. ДАРЕНСКИЙ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ МОДЕРНА В УКРАИНЕ КАК ИСТОЧНИК МЕНТАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Ментальный конфликт, обусловленный различием отдельных регионов Украины, особенно резко проявляется в ситуации цивилизационного выбора. В статье рассматриваются основной вариант модерна, связанный с мощным развитием городов и становлением промышленных регионов Новороссии в рамках истории Российской империи и СССР; западно-украинский модерн, связанный с феноменом «украинской идеи», а также социокультурный феномен Донбасса, в котором кризис модерна переживается в наиболее острой форме. Обоснован тезис о том, что преодоление ментальных конфликтов может быть удачным только в контексте общей реинтеграции евразийского социально-экономического и культурного пространства в новых условиях становления многополярного мира.

Ключевые слова: ментальность, конфликт, Украина, модерн, традиция, региональные типы, Новороссия, «украинская идея», Донбасс.

Современная Украина образовалась в результате распада более крупного государственного образования, вследствие чего на ее территории оказались регионы с разными культурно-историческими и социально-политическими традициями, а также разным этническим составом. Впрочем, стран такого типа в современном мире едва ли не большинство: в основном это страны Азии, Африки и Южной Америки. Они образовались в результате распада колониальных империй, которые проводили административные границы, ставшие впоследствии государственными, лишь исходя из соображений удобства управления ими, и не обращали внимания на специфику проживающего там населения. В наследство многим из этих стран остались межэтнические и межрелигиозные конфликты.

Не свободны от подобных явлений и страны Европы. Украина до недавнего времени в этом отношении рассматривалась как относительно благополучная страна, поскольку явных конфликтов на ее территории не наблюдалось. Тем не менее подспудный ментальный конфликт, обусловленный различием отдельных регионов Украины, резко проявился в ситуации цивилизационного выбора – в от-

носителем мягкой форме в период «оранжевой революции» 2004–2005 гг. и уже в намного более жесткой – в 2014 г. Поскольку кризисные эффекты в украинском социуме, в первую очередь связанные с экономической стагнацией, усиливаются, роль внутреннего ментального конфликта также будет возрастать. Между тем этот культурно-психологический конфликт, имеющий глубокие исторические корни, исследован и осмыслен недостаточно. В самой Украине на его исследование фактически было наложено негласное идеологическое табу, а за ее пределами эта проблема была мало кому интересна. Она актуализовалась в самое последнее время, поскольку Украина стала значительным фактором международной нестабильности. Попробуем проанализировать эту проблему в историческом контексте – через призму различия типов модерна на разных территориях современной Украины, что в конечном счете и сформировало культурно-психологические различия, которые привели к ментальному конфликту, лежащему в основе политических кризисов.

Исследование внутренних ментальных конфликтов украинского социума может быть плодотворным только при условии исторической конкретизации их предпосылок. В первую очередь речь идет о необходимости ретроспективного анализа различных моделей модернизации, реализовавшихся на территориях Украины в прошлом, в эпоху общеевропейского классического модерна. Под термином «модерн», как это принято в культурной антропологии, мы понимаем цивилизационный переход основной части социума (а не только элиты или отдельных корпоративных групп, например интеллигенции) от образа жизни, свойственного традиционной культуре (преимущественно сельской), к образу жизни, создаваемому техногенной, урбанистической цивилизацией. Это, в свою очередь, приводит к изменению социокультурного типа человека (секуляризация, индивидуализм и т. п.).

Основной проблемой при исследовании процессов модернизации украинского социума в прошлом, настоящем и будущем является политическая и идеологическая ангажированность тематики. *De facto* существующая в нынешней Украине официальная государственная идеология (хотя сам факт ее наличия и противоречит действующей Конституции), внедряющаяся в массовое сознание через СМИ и систему образования, предлагает свое весьма специфическое видение истории модерна на территориях Украины. Специфика состоит в том, что единственно нормальным и правильным признается только один из его исторических вариантов, связанный со становлением украинской национальной идентичности, но при

этом являющийся *маргинальным* с точки зрения базовых тенденций истории XIX–XX веков. Наоборот, *основной* вариант модерна, связанный с мощным развитием городов и становлением промышленных регионов Новороссии в рамках истории Российской империи и СССР, в этой идеологии всячески дезавуируется и вообще выносится за рамки актуальной исторической традиции. Стоит отметить, что такое радикальное и сознательное искажение исторической памяти, по-видимому, беспрецедентно и не имеет аналогов ни в одной другой стране мира.

Далее мы рассмотрим оба варианта модерна, имеющие достаточно четкие региональные локализации, и обозначим основные тенденции, которые характеризуют их современное состояние.

Модерн-1: Новороссия – «Новая Америка»

К настоящему времени сложилось понимание Новороссии как обширных территорий Великой евразийской степи от Дуная до Алтая, колонизированных русским земледельческим населением благодаря их вхождению в состав Российской империи. В «украинском контексте» термин «Новороссия» приобретает более узкий и специфический смысл – он обозначает не только земли бывшей Новороссийской губернии, но практически всю степную зону страны (около половины территории нынешней Украины), которая была колонизирована славянами исключительно благодаря вхождению в состав Империи в период блестящего правления Екатерины Великой, усмирению и эмиграции кочевых народов, ранее заселявших эти земли. В настоящее время практически строго по границам Новороссии проходит граница «электоральных полей» – между частями страны с «бело-голубым» и «оранжевым» преобладанием. В свою очередь, эта граница в точности повторяет границу 1918 года, когда земли Новороссии входили в состав самостоятельной Донецко-Криворожской Республики. Столь четкое совпадение границ свидетельствует о наличии явной исторической преемственности, которая сегодня проявляется в первую очередь на ментальном, языковом, политическом и культурно-психологическом уровнях.

Колонизация Великой степи – как историческая основа появления Новороссии – относится к «архетипам» восточнославянской и общерусской истории. В этом смысле можно сказать, что первым «новороссом» был князь Святослав, который не мог усидеть в Киеве, покорял Степь и погиб там. В Степи с XVI–XVII веков формируется казачество уже как особый культурно-психологический тип русских. В XVIII–XIX веках началось формирование новороссов

как особого евразийского мегаэтноса, но по существу оно произошло в XX веке, и особенно во второй его половине. Этот феномен долгое время скрывался под обозначением «советский народ как новая историческая общность людей», хотя полного совпадения между ними нет. В Новороссии, вошедшей в состав современной Украины, в конечном счете стал доминировать общерусский язык. Во второй половине XX века в Новороссии шли интенсивные процессы нового этногенеза, обусловленные последней «волной» урбанизации и развития массовых коммуникаций, и в результате здесь, как и во многих других регионах бывшего СССР, сформировался новый этнос, ныне определяемый термином *новороссы*.

Вторая (после казачества) формация новороссов – население новых промышленных городов Степи, быстро разраставшихся с середины XIX века, – унаследовала ряд черт предшествующего, «казачьего» типа. Это достаточно автономная, иногда полукочевая жизнь, освоение новейших видов профессиональной деятельности, а также активный контакт с другими этносами. Принципиальное отличие состояло в том, что данный тип формировался на основе *разрыва с традициями* (не только религиозными) – это был по сути «пролетарский» тип не только в чисто экономическом, но и в более общем культурно-психологическом отношении. *В городах Степи модерн приобрел, возможно, более стремительный характер, чем где бы то ни было.* Это, собственно, были и не города в старом смысле слова, а громадные рабочие поселки или припортовые поселения. Именно в трущобах Донбасса, Екатеринослава, Одессы, Харькова и Луганска уже в конце XIX века возник тип человека, пришедший к власти в XX веке, – человека без корней и без каких-либо живых традиций, верящего только в какое-то чаемое им «светлое будущее», ради которого он без всякого сожаления готов разрушить «все до основания».

На рубеже XIX–XX веков зрелище промышленных гигантов, внезапно встающих на фоне дикой «скифской» степи, вселяло в поэтов почти мистический трепет. В частности, А. Блок прозревал в этом и образ некой новой Руси, которая неумолимо приходит на смену прежней. В его стихотворении «Новая Америка», написанном 12 декабря 1913 года, возникает мистический образ *угля* как «подземного мессии», имеющий глубокие культурные коннотации. Он непосредственно соотносится с «золотом Рейна» из трагедии «Кольцо нибелунгов» Р. Вагнера, «культового» произведения эпохи символизма. Это – символ вынужденного нисхождения во тьму, чтобы добыть оружие для победы и новую историческую жизнь.

И Блок прозревал в этом видении индустриальной Новороссии общую и неотвратимую судьбу народа.

Особым «жизненным миром», «ландшафтом» нового мегаэтнуса новороссов, обусловившим закономерность и неизбежность его возникновения, является *новое индустриальное пространство*: мегаполисы, рабочие поселки, стройки, вообще все новые поселения эпохи модерна, предшественником и «архетипом» которых было казачье освоение евразийской Степи. Вследствие сущности своего происхождения мегаэтнос новороссов изначально «болен» всеми болезнями модерна: разрушением традиций, ценностного сознания, кризисом семьи и т. п. Его жизнеспособность непосредственно зависит от того, насколько ему удастся победить эти болезни.

Это определяет главную *экзистенциальную* черту новоросса: изначально – это человек, судьбами Истории выпущенный скитаться по своей воле, никому ничем не обязанный, лишенный памяти и корней и потому легко оказывающийся и соавтором, и жертвой катастрофических социальных «экспериментов». *Подлинной Родиной современных новороссов с самого начала была и остается ныне не какая-либо этническая территория, но именно огромное Государство – носитель цивилизационного проекта всемирно-исторического масштаба.* «Всемирность» исторического мироощущения настолько глубоко вошла в душу новороссов, что, оказавшись с 1991 года в пространстве «маленькой национальной державы», они теперь ощущают себя попавшими в духовную тюрьму, выброшенными из большой Истории в царство бессмысленного полуживотного существования. Отсюда понятно устойчивое отвращение и даже презрение подавляющего большинства новороссов к «украинской идее», в основе которой лежит откровенная русофобия и сознательная демонизация исторических достижений Российской империи и СССР.

Такое мироощущение не только обусловлено исторически, но, что важнее, сохраняет *нравственное* отношение к своей истории. Ведь Новороссия – исключительный продукт Империи: она возникла исключительно благодаря гению Екатерины Великой и ее не менее великих «орлов»-сподвижников. И нынешнее возрождение памяти о ней, в частности установка памятников в Одессе и Севастополе, – отрадный факт, свидетельствующий о возрождении подлинного исторического сознания у проживающего здесь народа. В Новороссии на территории Украины существуют сотни населенных пунктов, основанных согласно указам Екатерины Великой, ставшей их подлинной исторической «матушкой». Особенно поражают своим невежеством заявления о том, что Екатерина Великая

якобы ввела крепостное право и «уничтожила» казачество. На самом деле ее реформы позволили существенно ограничить законом возрожденное еще Мазепой крепостничество, а казачеству после переселения из Запорожской Сечи на юг заселить огромные, ранее недоступные ему пространства Причерноморья и Кубани (Ульянов 2004: 177–194). Неблагодарность адептов «украинской идеи» по отношению к царице, по милости которой Украине принадлежит половина (!) ее нынешней территории, отнюдь не случайна – иначе эта идея нежизнеспособна.

Население Новороссии, сформированное в эпоху интенсивного общеевропейского модерна, отличается самым высоким среди населения Украины развитием структур современного, т. е. рационально-критического, мышления именно на уровне массового сознания. Благодаря этому оно остается наиболее устойчивым перед попытками любых идеологических манипуляций. Этим, в частности, объясняется тот факт, что Новороссия стала центром сопротивления событиям 2004–2005 годов. «Оранжевая» мифология, рассчитанная на эксплуатацию атавизмов домодерного мышления (утопизм, «образ врага», «культ личности», эмоции толпы и т. п.), натолкнулась здесь на мощный иммунитет к такого рода манипулятивным технологиям.

В конечном счете именно «новороссийская» модель модерна лежит в основе всего современного украинского социума. По мнению всемирно известного киевского философа С. Б. Крымского (1930–2010), «русское сообщество Украины... представляет собой примерно половину граждан Украины и демонстрирует при этом не вынужденное русскоязычие, а культурную потребность, выработанную историей, духовно-культурной традицией, работать, общаться на русском языке, жить в соответствии с ценностными установками русской культуры. Категорически невозможно применить в определении “русского сообщества” критерии, которые обычно применяются при классификации какой-либо определенной социальной группы людей, например, национального меньшинства. Если же исходить из подобного отождествления “русского сообщества” и “национального русского меньшинства”, то мы столкнемся с элементарной логической ошибкой “подмены понятий”. В ситуации же, когда под русским сообществом Украины понимают носителей русской культуры, тем более нельзя говорить о какой-то части украинского населения, потому что в этом случае *русское сообщество будет составлять основную цивилизационную составляющую украинской нации* (выделено мной. – В. Д.) в совре-

менном политическом смысле данного понятия» (Крымский 2008: 150).

Мнение Крымского тем более ценно, что он сам отнюдь не был «русофилом». Но научная честность заставляла его констатировать тот факт, что все ныне существующие цивилизационные достижения Украины в различных отраслях – от экономики до науки и искусства – являются результатом нескольких веков развития в рамках Русского мира, т. е. по «модели» новороссийского модерна. И подавляющее большинство носителей реального творческого потенциала в современной Украине являются русскоязычными и выросшими в рамках общего с Россией цивилизационного пространства. Период независимости, начавшийся в 1991 году, на этом фоне оказался не только крайне бедным в творческом отношении, он фактически представляет собой картину почти тотальной деградации во всех сферах – особенно в сферах «высокой культуры», в науке, наукоемком производстве и системе образования.

Модерн-2: «Украинская идея»

На территории современной Украины непосредственно соприкоснулись два полярных типа ментальности – этноцентрическая, свойственная населению Западной Украины, не прошедшему испытания Большой Историей и опытом интенсивного модерна, и «новороссийская» – основанная на столь интенсивном и даже катастрофическом опыте «мобилизационного модерна», который трудно найти даже в Европе. Большой иллюзией является представление, будто бы население Западной Украины, выпав из руслу общей истории Русского мира на многие века, стало «европейцами» и якобы несет в себе европейский исторический опыт. В действительности это было выпадением из Истории как таковой – став колонией европейских стран, русины вплоть до начала XX века пребывали в состоянии *Grundvolk* (термин В. Зомбарта) – населения, остающегося на доисторической стадии развития, фактически живущего на уровне натурального хозяйства. Мизерная прослойка русинской интеллигенции в городах уже не имела никакого значения, нисколько не влияла на общий *доисторический* способ существования русинского этноса. Переход от архаического, доисторического способа жизни и мышления к модерну начался очень поздно, лишь с 1950–1960-х годов, и только благодаря вхождению в состав СССР. Более того, поскольку процесс вхождения в модерн здесь так и остался незавершенным, именно он и породил мощную регрессивную реакцию в виде распространения антисоветизма и «украинской идеи» как форм *антиисторического сознания*.

«Украинская идея» в ее полностью доминирующем ныне варианте не содержит в себе ничего, кроме агрессивной русофобии и наивной мечты о теплом месте в составе «золотого миллиарда». По своей *экзистенциальной* сути такая «идея» – это желание избежать испытания Историей, как бы «перепрыгнуть» из доисторического сразу в некое постисторическое состояние, гордо именуемое на Украине «вхождением в Европу».

Вплоть до большевистской «украинизации» 1920–1930-х годов классическое понимание русской нации как состоящей из трех этносов – великорусов, малороссов и белорусов – четко соответствовало народному самосознанию, что и обусловило полный провал сепаратистского движения в ходе Гражданской войны 1918–1920 годов. Характерно свидетельство одного из лидеров этого движения В. Винниченко (1990: 159). «Я ехал восемь дней, – пишет он об одной из своих поездок по Украине в период Гражданской войны, – среди солдат, крестьян, рабочих, сменяя своих соседей на множестве пересадок. Таким образом, я имел возможность увидеть на протяжении этих дней словно в разрезе народных слоев их расположение духа... Я к тому времени уже не верил в особую благосклонность народа к Центральной Раде. Но я никогда не думал, что могла быть в нем такая ненависть. В особенности среди солдат. И в особенности среди тех, которые не могли даже говорить по-русски, а только по-украински, которые, значит, были не латышами и не русскими, а своими, украинцами. С каким пренебрежением, злостью, с какой мстительной насмешкой они говорили о Центральной Раде, о генеральных секретарях, об их политике. Но что было в этом действительно тяжелое и страшное, то это то, что они вместе с этим высмеивали и все украинское: язык, песню, школу, газету, книжку украинскую... И это были не случайные одна-две сцены, а общее явление от одного конца Украины до другого».

Чтобы свидетельства Винниченко не показались лишь выражением его экзальтированного субъективного восприятия (хотя бы и невыгодного самому автору), стоит привести еще одно свидетельство подобного рода, учитывая, что таковых множество. Например, в воспоминаниях М. Могилянского «Трагедия Украины» (Могилянский 1991: 121–122) читаем: «Если еще нужно беспристрастное свидетельство полного провала идеи “украинизации” и “сепаратизма”, то следует обратиться к вполне надежному и беспристрастному свидетельству немцев, которые были заинтересованы углублением “украинизации” для успеха расчленения России. Через два месяца пребывания в Киеве немцы и австрийцы, занимавшие Одессу, посылали обстоятельный доклад в Берлин и Вену

в совершенно тождественной редакции... Доклад красноречиво доказывал, что существующее правительство не в состоянии водворить в стране необходимый порядок, что *из украинизации ничего не выходит, ибо население стремится к русской школе, и всякий украинец, поступающий на службу, хотя бы сторожем на железную дорогу, стремится и говорить, и читать по-русски* (выделено мной. – В. М.), а не по-украински. Общий же вывод был тот, что желательно объявить открыто и легально оккупацию края немецкой военной силой». В свою очередь тот факт, что сама идея «украинизации» все-таки находила какой-то отклик, хотя бы и незначительный, также объясняется весьма просто, о чем говорит один из деятелей этого направления Д. Дорошенко (1991: 71): «Автономия Украины и вообще национальные требования преподносились массам как своего рода выкуп, цена за панскую землю: хочешь получить панскую землю даром – требуй автономию! Понятно, это не создавало прочной базы для украинской государственности». Деятельность бутафорских «украинских» правительств не могла не вызвать всеобщую народную ненависть, которой и воспользовались большевики для утверждения своей власти, выступавшей здесь не только под лозунгами передачи собственности народу, но и под лозунгом восстановления единой и неделимой Советской России.

Все эти явления объясняются отнюдь не «низким уровнем национального самосознания» в тот период, как утверждает официальная украинская историография, но как раз наоборот – его самым высоким и устойчивым развитием, опирающимся на тысячелетнюю традицию единства триединой Руси. Об этом свидетельствует, например, и факт широчайшей распространенности накануне революции среди украинского крестьянства и мещанства принадлежности к общерусским православно-патриотическим организациям. Например, в 1909 году на встрече с Николаем II делегация от Волыни во главе с архиепископом Антонием (Храповицким) и архимандритом Почаевской Лавры Виталием преподнесла царю книги со списками членов «Союза русского народа», в которые было внесено более миллиона (!) человек, т. е. все взрослое мужское население Волыни. Известный публицист и политический деятель В. В. Шульгин, также входивший в состав делегации, свидетельствовал, что запись в эти организации имела характер стихийного народного движения протеста против революции, и добавлял: «...миллион волынцев сказали в тот день Царю, что они не “украинцы”, а русские, ибо зачислились в “Союз русского народа”» (Шульгин 1989: 245).

Характерно также, что из общего числа членов православно-патриотических организаций русского народа большая часть (более миллиона по спискам!) жила именно на территории современной Украины, а не Великороссии. Это говорит о высокой степени развития здесь именно *русского* национального самосознания. Тогдашнее население «Юго-западного края», как в то время назывались территории нынешней Украины, само себя называло «руськими», что лишь фонетически отличалось от самоназвания великороссов. Слово «украинец» употреблялось тогда лишь узкой группой интеллигенции, а подавляющему большинству населения было совершенно неизвестно вплоть до появления «самостийнического» движения в период революции 1917 года (общее недоумение в связи с появлением новой «украинской» идентичности хорошо отражено в романе М. Булгакова «Белая гвардия»). Особо «скандальный» факт состоит в том, что слово «украинец» никогда не употреблял и Т. Шевченко – этого слова нет ни в двухтомном научном словаре его лексики, ни в тексте «Кобзаря».

Принцип национального самосознания в том и состоит, что оно преодолевает этническую ограниченность ради причастности единству великой цивилизационной традиции. В здоровой нации наличие внутренних этнических различий не ослабляет, а наоборот, усиливает сознание единства, поскольку эти различия заставляют яснее осознавать общие традиции и ценности, ради которых стоит жить. Пока такие ценности существуют, любой этносепаратизм бесперспективен и естественным образом вызывает отторжение и гнев в широких массах. Пример, описанный В. Винниченко, относится как раз к этому случаю: яростное неприятие *акцентирования* собственных этнических особенностей, которое шокировало упомянутого деятеля, объясняется *глубоко народным сознанием принадлежности к единой Руси*. Малороссы согласились считать себя отдельным народом и называться никогда ранее не слыханным словом «украинцы» только после того, как это тысячелетнее сознание было уничтожено сначала эмпирически (уничтожением Российской империи), а затем и идеологически – большевистской «украинизацией», внедрявшейся через школу и СМИ. Как известно, «украинская» идентичность в качестве *феномена массового сознания* – специфический продукт советского периода истории: «Именно победа большевиков и их национальной политики обеспечила формирование отдельной украинской национальной идентичности и закрепила раскол русской нации» (Бондаренко 2008: 73). Подлинным «отцом» современной Украины является не кто иной, как сам В. И. Ленин, отстаивший в 1922 году принцип созда-

ния союзных национальных республик в рамках СССР, – и современные украинские националисты, если бы они по-настоящему знали и понимали историю, должны были бы носить цветы к его памятникам даже чаще, чем к памятникам Т. Шевченко.

Как справедливо отмечает киевский политолог Г. Касьянов (1999: 192), «термин “национальное возрождение”, очевидно, нужно брать в кавычки... поскольку *и по содержанию, и по форме украинское “национальное возрождение” было именно созданием нации, и субъективный фактор имел решающее значение для “инициирования” этого процесса* (выделено мной. – В. Д.). В данном контексте новое значение приобретает предложенный Р. Шпорлюком термин “украинский проект”... Нация сначала должна была возникнуть в воображении деятелей “национального возрождения” как умозрительная конструкция, и только со временем эта действительно “воображаемая” общность, этот проект были связаны в единое целое, согласованы с “объективными” социально-политическими, культурными, геополитическими и другими реалиями».

Фундаментальный слом в массовом историческом сознании и национальном самосознании был смягчен и опосредован идеологией «единого советского народа», имевшей под собой вполне реальную почву и удовлетворившей привычку к сознанию сверхэтнического единства. Когда же к концу XX века тысячелетняя общерусская идентичность была окончательно забыта, а «советский народ» перестал существовать, «украинская» идентичность малороссов стала практически безальтернативной. «Русскими» отныне официально называются только великороссы, а попытки возродить тысячелетнее самосознание яростно клеймят как якобы «рецидивы великодержавности».

Тем не менее осознание сверхэтнического единства сохраняется даже в современных условиях, когда в языке уже нет отдельного слова для обозначения этой единой общности, не говоря об усиленном «промывании мозгов» официальной идеологией. В 2002 году при опросе молодых людей от 16 до 34 лет под патетическим названием «Первое свободное поколение на Украине – кто они?» около 60 % ответили, что считают украинцев и россиян двумя частями одного и того же народа; 61 % поддержали курс на реинтеграцию Украины и России в единое экономическое и военно-политическое пространство (опрос проводился во всех пропорционально представленных регионах страны) (Филатов 2004: 46–47). При этом в годы независимости Украины продолжался рост русскоязычной части населения страны, которая, несмотря на жесткую украинизацию СМИ и системы образования, тем не менее впервые

превысила 50 %. Приведенные данные свидетельствуют, что единство различных этносов в рамках единой русской нации и цивилизации – «упрямый» факт, а их стремление к дальнейшей реинтеграции – тот *естественно-исторический процесс*, на который не может серьезно повлиять даже силовая политика государства. Противоречие между *реальным* сохранением сознания общерусского единства и *весьма поверхностным* восприятием украинской идентичности, не связанной даже с языковой практикой населения, объясняется в первую очередь тем, что массовое сознание ныне находится под мощным прессом русофобской пропаганды, распространяемой СМИ и системой образования, вследствие чего понятие «русский» начало отождествляться только с великороссами.

В свою очередь, известно, что население Западной Украины, хотя и выпавшее из Истории, но вплоть до 1920–1930-х годов твердо сохранявшее русскую идентичность и самоназвание, также приобрело новую идентичность относительно недавно и весьма насильственным образом. В октябре 1914 г. М. М. Пришвин, служа фронтовым фельдшером, записывал в дневнике: «Когда я попал в Галицию... я почувствовал и увидел в пластических образах времени инквизиции» – это геноцид русинов австрийским режимом, обусловленный их симпатией к России; но «в Галиции есть мечта о великой чистой прекрасной России. Гимназист, семнадцатилетний мальчик, гулял со мной по Львову и разговаривал на чистом русском языке. Он мне рассказывал о преследовании русского языка, не позволяли даже иметь карту России, перед войной он принужден был сжечь Пушкина, Лермонтова, Толстого и Достоевского. – Как же вы учились русскому языку? – Меня потихоньку учил дедушка... А я учил других, и так пошло. Мы действовали как революционеры, мы были всегда революционерами» (Пришвин 1990: 66–67). Можно привести множество подобных свидетельств, а также вспомнить о массовости «москвофильских» движений в Галиции, просуществовавших до 1945 года и ликвидированных большевиками-украинизаторами. Перед Первой мировой войной «москвофильство» имело самую массовую народную поддержку, поэтому неудивительно то, с какой радостью русины встречали войска генерала Брусилова в 1914 году и какой геноцид устроили им вернувшиеся австрийцы в 1915–1916 годах (при самой активной помощи тогдашних «идейных украинцев»). По разным данным, от 30 до 100 тыс. русинов Галиции, исповедовавших свою принадлежность единой русской нации, погибли в концлагерях Терезин, Талергоф и Освенцим (вот когда началась его история), что стало одним из первых в XX веке прецедентов геноцида по националь-

ному и идеологическому признаку. Этот геноцид национально сознательной части русинского населения и стал затем важнейшей предпосылкой внедрения новой украинской идентичности, почти безуспешно пропагандировавшейся «австрияками» еще до войны.

Затем уже украинский национализм, с 1920-х годов распространявшийся как антипольское движение, в 1940-х «естественным» образом обернулся против большевиков. А поскольку центр большевистской империи находился в Москве, то антибольшевизм столь же естественным образом породил русофобию как основную психологическую доминанту «украинского» сознания. Жестокий парадокс истории: великороссы – именно те, кто как раз больше всех реально пострадал от большевизма! – стали символизировать для малограмотных западноукраинских масс сам большевизм. Но сколь бы ни было это «естественным» в психологическом отношении, не менее силен здесь и другой фактор, о котором было сказано выше, – отсутствие культуры исторической жизни, узкое «хуторянское» мышление, не способное понять то, что выходит за пределы кругозора «своей хаты».

Таким образом, политические и идеологические процессы, связанные с формированием украинской национальной идентичности, в целом могут рассматриваться как некий локальный вариант модерна. Его отличительным признаком является глубокая *парадоксальность*: начавшись вообще без какой-либо связи с классическими характеристиками модерна (индустриализация, урбанизация, секуляризация и т. д.), как чисто идеологическое и политическое явление, эти процессы затем столкнулись с *подлинным* модерном в его *советском* варианте. Но именно *советский модерн был и остается основным фактором, на сознательной демонизации которого до сих пор и держится украинская национальная идентичность*. Насколько прочным может быть такое чисто негативное основание, взятое из уже изрядно забытого прошлого?

Постмодерн: Донбасс

На территории украинской Новороссии есть регион, в котором процессы общеевропейского модерна начались раньше всего, проходили интенсивнее, чем везде, и поэтому быстрее всего привели к катастрофическим последствиям. И здесь ранее всего начался «постмодерн» – не в его искусственном смысле («отсутствие метанарраций»), о котором любят говорить философы и культурологи, но в более глубоком социокультурном смысле – как процесс реального *кризиса и конца модерна*. Речь идет о Донбассе.

Донбасс (Донецкий каменноугольный бассейн) – название исторических областей приазовской Новороссии и западных районов Войска Донского, возникшее в период их промышленного освоения. В настоящее время в Донбасс входят основная часть Донецкой области без ее самых южных аграрных районов (но включая порты Мариуполь и Новоазовск) и южная половина Луганской (с границей по реке Северский Донец). Территория современного Донбасса, как и около половины территории современной Украины, была освоена славянским населением исключительно благодаря ее вхождению в состав Российской империи в последней трети XVIII века. Потомки автохтонного кочевого населения территории Донбасса ныне проживают на территориях Казахстана и РФ.

Донбасс является исторически самым первым в Украине и одним из самых первых в мире промышленным высокоурбанизированным регионом, возникшим еще в период первой промышленной революции XIX века (его европейские аналоги – районы Рура в Германии и Ньюкасла в Англии). Особо интенсивные периоды развития Донбасс пережил в 1870–1900-х, 1930-х и 1950–1970-х годах. В настоящее время, несмотря на экономическую катастрофу 1990-х годов, он остается наиболее развитым и вестернизированным в социокультурном отношении регионом – «локомотивом экономики» Украины с самыми высокими по стране темпами роста промышленного производства и самым высоким уровнем доходов населения. К середине 2000-х годов в Донбассе сформировалась первая в Украине новая политическая элита, представляющая интересы развивающегося отечественного капитала.

Новороссы, ныне составляющие более 90 % населения Донбасса, в подавляющем большинстве являются людьми, имеющими предков из нескольких «старых» этносов, и уже поэтому они не могут быть отнесены ни к одному из них. Никаких реальных социокультурных различий, например, между *потомками* малороссов и великороссов в Донбассе, как минимум во втором поколении говорящих на одном языке и усвоивших одни и те же ментальные и поведенческие модели жизни, практически не существует – они давно принадлежат к одному новому этносу. Традиционные этнические идентификации имеют в Донбассе реликтовый и маргинальный характер. Этнические малороссы и великороссы, сохранившие свои особые языковые, ментальные и поведенческие особенности, сегодня не превышают численно представителей других «национальных меньшинств» (кавказских народов, греков, евреев, цыган и др.). Донбасс – полностью моноязычный регион, в котором количество реальных носителей украинского языка не превышает,

например, количества представителей кавказских диаспор. Поэтому законодательное непризнание русского языка в качестве одного из государственных фактически ставит Донбасс в положение колонизируемой территории, живущей в режиме перманентных лингвокультурных репрессий. Современная статистика влияния русского и украинского культурного и информационного пространств в Донбассе однозначно свидетельствует о полном доминировании первого. Элементы украинской культуры здесь существуют только в качестве отдельных «мозаичных» вкраплений, притом чаще всего весьма искусственных, навязанных государством.

Советский период истории Донбасса характеризовался непрерывными попытками его «украинизации», которые трижды – в 1920–1930-х, в период фашистской оккупации и с конца 1980-х годов – имели агрессивно-наступательный, а в остальные периоды – намного более мягкий характер. Естественно, эти попытки оказались неудачными, так как вступили в вопиющее противоречие с объективной исторической тенденцией расширения и интеграции русского культурно-языкового пространства. Именно поэтому с конца 1950-х годов государство было вынуждено идти на сокращение доли украиноязычного образования и издания печатной продукции в силу их *невостребованности* населением (а вовсе не в силу мифической «русификации», как лживо заявляет официальная украинская идеология). После формирования в Донбассе новой этнической общности попытки его «украинизации» стали абсолютно бесперспективными, затрагивая лишь узкие группы карьеристской интеллигенции.

В настоящее время Донбасс – регион достаточно интенсивной рехристианизации населения, причем глубоко позитивны следующие обстоятельства. 1. Возвращение к вере здесь происходит, как правило, не благодаря семейному воспитанию, а на основе личного выбора и реального религиозного опыта, т. е. имеет место религиозность не инерционного, «реликтового» типа (как в аграрных регионах, почти не затронутых модерном), а креативно-личностного типа, отличающегося большой устойчивостью и пассионарностью. 2. Возвращение к вере происходит, как правило, в рамках аутентичного православия и жесткого противостояния расколам на этнической почве, характерным для Украины. В Донбассе сформировалась местная живая традиция монашества и старчества (особую известность получил старец Зосима [Сокур] из Никольского [1944–2002]). Важный факт – появление в Донбассе новой православной лавры – этот статус получил старейший на Руси Святогорский монастырь, ведущий свою историю со времен противостояния иконоборчеству (основан бежавшими из Византии монахами в VIII веке).

Донбасс является одним из классических регионов для всей «новороссийской» идентичности. Об этом свидетельствуют не только объективные социокультурные характеристики его населения, но и показательные эмпирические данные о его самосознании. Более половины населения Донбасса, несмотря на мощную украинизаторскую пропаганду, все равно идентифицирует себя именно в качестве «особенной общности людей», а отнюдь не как «украинцы» или «русские», совершенно независимо от того, кем были их предки. В частности, к «населению Украины» среди опрошенных на Донбассе еще в конце 1990-х годов себя относил лишь 23 % (а наибольшая категория самоидентификации как «населения бывшего СССР» составляла 34 %) (Кононов 2000: 155). К настоящему времени вследствие манипуляции массовым сознанием через СМИ и идеологизированную систему образования значительная часть населения Донбасса уже идентифицирует себя как украинцев, но, как правило, имея в виду в первую очередь лишь гражданство, а не этническое происхождение, которое стало безразличным вследствие своей абсолютной неактуальности в монолитной русскоязычной среде.

Сегодня Донбасс является главным «донором» Украины практически во всех сферах жизни: экономической (одна Донецкая область дает 1/5 государственного бюджета), социальной (самые высокие после Киева темпы создания рабочих мест и повышения общего качества жизни), политической (формирование новой элиты), культурной (сохранение мировых стандартов в науке, искусстве, технике). Донбасс остается специфическим продуктом истории Русского мира и важнейшим фактором его дальнейшей исторической судьбы. Вместе с тем «травмы модерна» (разрушение семьи, бытовой и трудовой этики, рост преступности и т. д.) сильнее всего выражены именно здесь. Хотя другие регионы Украины быстро догоняют Донбасс по этим показателям, там нет настолько *длительного* опыта *кризиса модерна*, выраженного не только в указанных явлениях, но и в опыте стремительной деиндустриализации и депопуляции, ныне почти не имеющих аналогов в мире.

Таким образом, Донбасс как наиболее «продвинутый» в плане прохождения различных стадий цивилизации регион наиболее наглядно демонстрирует следующие тенденции кризиса модерна и перспективы его преодоления. 1. Максимальный уровень урбанизации (в Донецкой области более 90 % населения живут в городах и индустриальных поселках) и развития рационально-критического мышления. 2. Максимальное разрушение базовых социальных структур и как следствие – интенсивная депопуляция. 3. Макси-

мальная унификация культурно-языкового пространства в рамках принадлежности к пространству Русского мира. 4. Сознательное стремление населения к сохранению единства и реинтеграции Русского мира (впрочем, еще не получившее адекватного политического выражения). Последние две тенденции достаточно четко вписываются в те прогнозируемые тренды глобального развития, о которых уже можно говорить в настоящее время.

Как известно, возникновение и дальнейшее существование современной Украины является частью глобального проекта стабилизации однополярного мира во главе с США и диктатурой стран «золотого миллиарда» в сфере мировой экономики. По словам А. С. Панарина (2004: 181), «как только ситуация диалога двух систем сменилась монологом победившего Запада, с последним стали происходить необъяснимые вещи. Обнажился процесс неожиданной архаизации и варваризации Запада: вместо Запада демократического миру явился Запад агрессивный, Запад вероломный, Запад циничных двойных стандартов и расистского пренебрежения к незападным народам». Проект глобального однополярного мира предполагает недопустимость воссоздания самостоятельного цивилизационного пространства Евразии, которое чем-то выделялось бы из общего болота «третьего мира». В соответствии с этим проектом «... народы Евразии теряют единое большое пространство и погружаются в малые и затхлые пространства, где царят вражда, ревность и провинциальная зашоренность. Они теряют навыки эффективной экономической кооперации, социального и политического сотрудничества, превращаясь в разрозненных маргиналов нового глобального мира. Они теряют язык большой культуры и великую письменную (надэтническую) традицию, возвращаясь к этническим диалектам или даже придумывая их в случае реальной ненаходимости в прошлом» (Там же: 185). Современная Украина – характернейший пример реализации всего перечисленного. Но проект глобальной диктатуры не встречает сопротивления лишь до тех пор, пока у населения этих территорий вследствие интенсивной «промывки мозгов» местными прозападными СМИ сохраняется наивная иллюзия возможности вхождения в число стран «золотого миллиарда» (в Украине это называют «вхождением в Европу»). Когда иллюзорность подобных мечтаний станет очевидной большинству населения, его политические и цивилизационные предпочтения радикально изменятся. Возможно, на это уйдут даже десятки лет, однако итог предопределен и неизбежен, а сам процесс начинается уже сегодня. Тем самым преодоление кризиса модерна и дальнейшее развитие Украины может быть удачным толь-

ко в рамках общей реинтеграции евразийского социально-экономического и культурного пространства в новых условиях становления многополярного мира.

Литература

Бондаренко, Д. Я. 2008. Украинский национальный проект: история становления. *Социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов: Материалы Международной научной конференции*. М.: Изд-во МГУ, с. 69–74.

Винниченко, В. 1990. *Відродження нації*. Ч. II. Київ: Вид. політ. літ.

Дорошенко, Д. И. 1991. Война и революция на Украине. *Революция на Украине*. Киев: Изд-во полит. лит-ры, с. 51–79.

Касьянов, Г. В. 1999. *Теорія нації та націоналізму*. Київ: Либідь.

Кононов, И. Ф. 2000. *Етнос. Цінності. Комунікація. (Донбас в соціокультурних координатах України)*. Луганськ: Альма матер.

Крымский, С. Б. 2008. Русское сообщество Украины (РСУ). *Русский мир Украины. Энциклопедический словарь*. Киев: Радуга, с. 150–152.

Могилянский, Н. М. 1991. Трагедия Украины. *Революция на Украине*. Киев: Изд-во полит. лит-ры, с. 117–142.

Панарин, А. С. 2004. Россия в социокультурном пространстве Евразии. *Москва* 4: 173–186.

Пришвин, М. М. 1990. *Дневники*. М.: Правда.

Ульянов, Н. И. 2004. *Украинский сепаратизм*. М.: Эксмо, Алгоритм.

Филатов, А. С. 2004. Российский социокультурный фактор на Украине и в Крыму. *Сборник материалов научно-практической конференции «Крым в контексте Русского мира: язык и культура»*. Симферополь: Таврия, с. 18–51.

Шульгин, В. В. 1989. *Дни. 1920: Записи*. М.: Современник.